

И. В. Довгалёва

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ДИСКУРС О СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Предпринята попытка социально-философского анализа дискурсов о современной идентичности человека. Определяется роль кризиса идентичности. Рассматриваются некоторые причины возникновения психосоциальных отклонений и дезадаптивного поведения.

Ключевые слова: адаптация, идентичность, социальная адаптация, персонификация, самоконтроль, социальный субъект.

I. Dovgaleva

IDENTIFICATION DISCOURSE ON THE SOCIAL SITUATION OF THE HUMAN

An attempt has been made to undertake a social and philosophical analysis of the discourses on the modern identity of the human. The role of the identity crisis has been identified, and some reasons of the origin of psychosocial deviations and maladaptive behaviour regarded.

Keywords: adaptation, identity, social adaptation, personification, self-restraint, social individual.

Современная ситуация человека (онтологической, гносеологической аксиологической неопределенности, восхождения к новым рискам, глобализации и т. д.) еще больше обнаружила значимость констатации М. Шелера о том, что «никогда еще в истории человек не становился столь проблематичным для себя самого, как в настоящее время». Из мироустановки «познай самого себя», адресованной персоне, из стремления дать автохарактеристику «запускается» механизм идентизации. Современные междисциплинарные исследования позволяют расширить представления об этом механизме. Так, сегодня в пределах биоэтического дискурса часто выносятся утверждения, что моральные (этические) отношения между человеком (матерью) и плодом не имеют место быть, поскольку плод не является мыслящим и, следовательно, не может быть субъектом моральных (этических) отношений. Возникает вопрос об индикаторах человеческой идентичности. Ф. Фреухок считает необходимым введение эффективного определения о том, кого можно считать человеком, а кого – нет. «Жизнь разума была центральной для западного понимания человечности в течение столетий закона и морали... Человек, который потерял руки, ноги, любую часть тела, по закону не рассматривается менее личностью (человеком) вследствие их потери. Но неврологические недостатки могут привести к понижению его юридиче-

ского (узаконенного) статуса, благодаря чему его способность препоручат опекунам, которые будут принимать решения за него» [8, с. 97]. Фреухок спрашивает: является ли рациональное мышление индикатором «человеческого»? Правомерно ли сегодня, вслед за Р. Декартом и рациофундаментализмом [5], утверждать «... быть человеком, значит быть мыслящим, рефлектирующим созданием»? Биотическая ситуация демонстрирует, что силлогизм Декарта приобретает другую форму:

Одушевленно мыслить – значит существовать.

Я – одушевленно мыслю.

Я существую [5, с. 44].

Идентичность – многогранный феномен. Он наполняется различными смыслами проективно социальной ситуации. Под идентичностью понимается самоидентичность человека или группы с определенным признанным образцом. «Идентичность» отражает не только осознаваемые, но и нерелексивные, внерациональные механизмы самоопределения. Идентификационный дискурс сегодня сопрягает идентичность с такими терминами, как кризис идентичности, размытая, спутанная, деформированная, разрушенная, нестабильная идентичность, дефицитарность идентичности и т. д.

Междисциплинарный дискурс и ситуационный подход к исследованию механизмов идентичности ориентируют на выявление

ние «индивидуальности» и особых способов репрезентации идентичности. Психологическое знание эволюционировало от рассмотрения идентификации как попытки ребенка перенять силу отца (матери) и тем самым уменьшить чувство страха перед реальностью (З. Фрейд) до признания глубинной потребности человека постоянно видеть перед собой персонифицированные образцы. В основе персонификации лежат телесность, внешность, психологический тип личности. В психологических теориях идентичность связывается со способностью личности оставаться той же самой, претерпевая постоянные изменения. Американский психолог Э. Эриксон рассматривал обретение идентичности как ступень развития индивида, связанную с его социальной адаптацией. «Идентичность против диффузии идентичности» – это тот интерактивный конфликт, который психолог постулирует в качестве главной дилеммы отрочества–юности. В основе становления личностной идентичности, формирующегося самоконтроля, самосознания, управления собой и другими лежат чувства доверия/недоверия. Нарушение доверительных отношений свидетельствует об утрате личностной непрерывности. Кризис идентичности, по Эриксону, – это время поисков нового чувства Я, которое охватывало бы все прошлые, настоящие и предполагаемые в ближайшем будущем грани себя. Кризис идентичности может быть легким или острым.

Сегодня многие исследователи (в том числе работающие в области практической психологии) проблемы «кризиса идентичности» указывают на конструктивную роль кризиса идентичности как возможности и механизма развития и обретения новой идентичности в ситуации неопределенности, какой представляется вся социальная жизнь. Человек находится в непрерывном поиске своей идентичности (индивидуальной, социальной, этнической, гендерной, национальной, культурной (социокультурной), гражданской, цивилизационной, нар-

ративной и т. д.), которая отражает внутренний мир человека, индивидуальный аспект; она «является ключевым элементом субъективной реальности» [2]. Миссия современного идентификационного дискурса направлена на интерпретацию новых форм идентичности.

«В духе» постмодернистской парадигмы в современном психологическом и психотерапевтическом идентификационном дискурсе согласуется взгляд на индивидуальность как нарративную идентичность, произвольно конструируемую субъектом жизнетворчества. Под нарративной идентичностью понимается «... сконструированная вокруг субъектного ядра самость, стремящаяся к трансценденции и испытанию приумноженных возможностей, которые соотносятся с темпоральными “метками” смыслоосуществления и целеполагания, определяя время, место и характер будущего события» [4]. Путем символического конституирования субъекта в психотерапии сконструированная нарративная идентичность выступает неизбежным артефактом процесса жизнетворчества, трансцендирующего границы индивидуальной личности за пределы наличного, в сферу виртуальных шансов ценностного самоутверждения. В новой психотерапевтической модели нарративная идентичность является «ценностной трансгрессией» базисной смысловой матрицы личности в процессе ее индивидуализации и в пространстве мультикультурных значений.

Гендерная проблема актуализировала проблематику идентичности в современной теории феминизма в связи с появлением феномена неосексуальности. В феминистской теории, в концепции *queer*-идентичности Терезы де Лауретис применяется термин *queer*-идентичность («странная», или «эксцентричная», субъективность) для описания женской гомосексуальной субъективности, для характеристики любых форм топологии субъективности, не укладывающихся в рамках концепции гендер-

ной дихотомии. Концепт «queer-идентичность» презентует предельно сложную и плюралистичную структуру субъективности нашего времени, которая определяется на пересечении множества культурных и социальных границ, и в рамках практик маргинализации и подавления субъективности, которые «становятся еще более гибкими и многообразными, формируя новые стратегии субъективной репрезентации» [3].

В книге Элизабет Гросс «Пространство, время и перверсия: Эссе о политике тел» (1995) автор определяет queer-субъективность как конструкцию не просто маргинальной сексуальности, а маргинальной трансгрессивной сексуальности и трансгрессивных сексуальных отношений – вне копулярных, традиционных и стереотипизированных сексуальных норм [9, с. 29–44]. Главным параметром в конструкции queer-субъективности является параметр нередуцируемости субъективности к любым застывшим идентификационным моделям – как гетеросексуальным, так и гомосексуальным, как белым, так и цветным, как западным, так и незападным и т.п. Э. Гросс, вслед за Ж. Делезом, который обозначил субъектную позицию как позицию «становления», считает, что в понятии «queer» элиминируются традиционные гендерные оппозиции мужского и женского.

В книге Ив Кософски Сэдживик «Эпистемология чулана» (1990) обнаруживается предпочтение автора идентифицировать queer как «странное» или «перверсированное» в альтернативной топологии субъективности [11]. Сэдживик считает, что теоретическая перспектива queer-идентичности на сегодняшний день оказывается открытой для каждого, независимо от ее/его сексуального опыта или сексуальной идентичности. Сэдживик деконструирует и усложняет традиционное логическое соотношение, бинарную оппозицию гомосексуальное/гетеросексуальное как основополагающую в структуре современного мышления. В отличие от М. Фуко, Сэдживик утверждает,

что логическая оппозиция гетеросексуальное/гомосексуальное не симметрична: если гетеросексуальное обозначить в ней как *A*, а гомосексуальное как *B*, то *B* в этой оппозиции не симметрично, но подчинено *A*. Однако, с другой стороны, *A* не доминирует над *B*, а, напротив, утверждает Сэдживик, также подчиненно *B*, так как определяется только в зависимости от *B* – а именно через дефиницию путем исключения *B*. Поэтому вопрос о приоритете предполагаемо центральной категории (*A*) над предполагаемо маргинальной (*B*) оказывается принципиально нестабильным в логическом смысле, потому что в конечном итоге понятие *B* конституировано одновременно как внутреннее и как внешнее по отношению к понятию *A*. Сознательное осмысление данных бинарных конструкций в культуре помогает осмыслить более общие стратегии властной манипуляции субъективностью через дискурс нормативное/ маргинальное [11, с. 61].

Сэдживик дает новое определение сексуальности – неосексуальность, которая состоит в том, что она воплощает «другие измерения сексуальности» – не коррелирует больше с гендерным «объектным выбором», связана с дегенитализацией и телесной диффузией в структурах сексуальности. В современных идентификационных практиках субъективности И. Сэдживик выделяет не только идентификацию «как», но и идентификацию «с», а также идентификацию «против» [11, с. 10]. Сам процесс идентификации является сложным и болезненным, с выделением сильных чувственных доминант, необъяснимых в рациональных терминах.

Постфеминистский дискурс трактует идентичность как плюральную, а опыт – как противоречивый, обосновывая «политику различия». Так, Джудит Батлер, развивая теорию «странной идентичности» (queer theory) [7, с. 223–242], на основе концепции децентрированного субъекта М. Фуко вообще отвергает бинарные оппозиции мужского и женского в структуре

субъективности и отрицает понятие «женской идентичности». Пол является перформативным образованием и эффектом перформативных действий, поэтому не имеет никакого онтологического статуса вне их.

Новое понимание женской идентичности как киборг-идентичности предложена Донной Хэрзуэй в книге «Манифест для киборгов» (1985) [10]. Она определяет параметры киборг-субъективности (современного гибридного «мы») в терминах ситуационных генных технологий: в ней перемешаны биологическое и технологическое, органическое и машинное, текстуальное и мифическое, экономическое и политическое. Современная субъективность – это, по мнению Хэрзуэй, «биологическое тело с точки зрения иммунной системы», а идентичность определяется как «дискурс иммунной системы».

Потоки коммуникаций, возрастающая социальная мобильность людей, миграция, смешение языков, размывание национальных и становление множественных идентичностей, практика двойного гражданства, «наднациональность» культурных ценностей и благ, распространение международных организаций и институтов, появление транснациональных сообществ и наличие общемировых проблем и угроз – показательная социальная тенденция и социальная ситуация человека. Тойнби А. Дж. считает, что становление космополитической идентичности реально, «... прошлая история наших громогласных, а зачастую злоязычных живых современников – японцев и китайцев, индусов и мусульман, и наших старших братьев, православных христиан, – станет частью нашего западного прошлого для того будущего мира, который не будет ни западным, ни незападным, но унаследует все культуры, которые мы заварили все вместе в одном тигле» [6]. У. Бек считает,

что происходит становление космополитизации как нелинейного диалектического процесса, в котором общее и частное, похожее и различное, глобальное и локальное должны осмысливаться не как культурные антиподы, а как неразрывно связанные между собой, взаимодополняющие и взаимопроникающие принципы». Он прогнозирует: «...столетие, в котором сама планета подвергает себя риску, будет как никогда прежде столетием “единого мира”. Знание того, что все трагедии нашего времени по происхождению и масштабу являются глобальными, способствует возникновению космополитического горизонта опыта и ожидания...» [1]. Вопрос о становлении космополитической идентичности далек от разрешения. Трудности диалога с людьми другой рациональности и другой культуры есть главное препятствие космополитическому проекту Бека. Раскрывая причину, по которой идея вечного мира И. Канта не реализовалась, Ю. Хабермас писал, что И. Кант не предусмотрел трудности диалога с другими, не такими, как европейский человек.

Таким образом, современный идентификационный дискурс репрезентирует современный неопределенный и «восходящий к рискам» социальный мир, который заставляет людей находиться в состоянии непрерывного поиска своего «Я». Разнообразие моделей поведения, дисгармония между личной и социальной идентичностью подталкивают на поиск новых форм идентичности. Но возможность ее обретения заключается в соответствии определенному целостному идеалу, который в настоящее время не очевиден. Это служит косвенной причиной возникновения различных психосоциальных отклонений (фрустраций, стрессов, депрессий, суицидов), проявляющихся в не- и дезадаптивном поведении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего». 2007. 384 с.

2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Academia - Центр» «МЕДИУМ», 1995. 279 с.
3. Жеребкина И. «Прочти мое желание». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000. 202 с.
4. Карпенко З. С. Субъектное измерение индивидуальности // Психология индивидуальности: Новые модели и концепции / Под ред. Е. Б. Старовойтенко, В. Д. Шадрикова М.: НОУ ВПО МПСИ, 2009. 260 с.
5. Павленко А. Н. Рациофундаментализм // Вопросы философии. 2008. № 1. С. 29–44.
6. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Прогресс-Культура, СПб.: Ювента, 1996. 187 с.
7. Butler J. Critically Queer// Bodies That Matter: on the Discursive limits of «Sex». New York & London: Routledge, 1993. Pp.223–242.
8. Frohock Fred M. Special Care Medical Decisions at the Deginning of life. Chicago, London, 1986. 97 p.
9. Grosz E. Experimental Desire: Rethinking Queer Subjectivity // Space, Time, and Perversion: Essays on the Politics of Bodies. N.Y., L., 1995.
10. Haraway D. A Manifesto for Cyborg // Socialist review. 15. No. 2. 1985
11. Sedgwick E. K. Epistemology of the Closet. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1990.

REFERENCES

1. Bek U. Vlast' i ee opponenty v jepohu globalizma. Novaja vseмирno-politicheskaja ekonomija. М.: Progress-Tradicija; Izdatel'skij dom «territorija budushchego». 2007. 384 s.
2. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. М.: «Academia-Centr» «MEDIUM», 1995. 279 s.
3. Zherebkina I. «Prochti moe zhelanie». Postmodernizm. Psihoanaliz. Feminizm. М.: Ideja-Press, 2000. 202 s.
4. Karpenko Z. S. Subjektное izmerenie individual'nosti//Psihologija individual'nosti: Novye modeli i koncepcii / Pod red. E. B. Starovojtenko, V. D. SHadrikova. М.: NOU VPO MPPI, 2009. 260 s.
5. Pavlenko A. H. Raciofundamentalizm //Voprosy filosofii. 2008. №1. S. 29–44.
6. Tojnbi A. Dzh. Civilizacija pered sudom istorii. М.: Progress-Kul'tura, SPb.: JUventa, 1996. 187 s.
7. Butler J. Critically Queer// Bodies That Matter: on the Discursive limits of «Sex». New York & London: Routledge, 1993. Pp. 223–242.
8. Frohock Fred M. Special Care Medical Decisions at the Deginning of life. Chicago, London, 1986. 97 p.
9. Grosz E. Experimental Desire: Rethinking Queer Subjectivity // Space, Time, and Perversion: Essays on the Politics of Bodies. N.Y., L., 1995.
10. Haraway D. A Manifesto for Cyborg // Socialist review. 15. No. 2. 1985
11. Sedgwick E. K. Epistemology of the Closet. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1990.